

В темноте человек всегда уязвим — и телом, и душой.

Крик Чуньцзина становился всё громче и пронзительнее, ведь ему почудилось, что в темноте его касаются тысячи рук — влажных, липких, источающих странный, пугающий запах. Возможно, это была лишь игра воображения, но Чуньцзину казалось, что по его телу стекает вязкая зеленая жидкость, от которой невозможно отряхнуться.

Крик оборвался на полуслове: Чуньцзин осознал, что чья-то рука скользнула с его груди к горлу и, кажется, собиралась подняться выше.

Дыхание перехватило. Широко распахнув глаза, он вцепился в руку, что коснулась его подбородка.

В тот же миг мрак рассеялся. Перед ним возникло лицо Цзинь Мо с его пухлыми, детскими щеками и лучезарной улыбкой. А рука, которую он сжимал, принадлежала именно ему.

Цзинь Мо прислонился спиной к белой стене, настолько ослепительно белой, что глазам было больно, но улыбка на его губах сияла еще ярче.

Чуньцзин прижал руки Цзинь Мо к стене, а одну ногу закинул между его колен — поза вышла донельзя двусмысленной.

Зрачки Чуньцзина сузились. Словно коснувшись холодной скользкой змеи, он отдернул руки и попятился, но нога за что-то зацепилась, и он невольно начал заваливаться назад.

Цзинь Мо перехватил его руку, рванул на себя и, развернувшись, впечатал Чуньцзина в стену. Он прищурился, глядя на испуганное лицо юноши, и сделал шаг вперед, протянув пухлую ладонь к его щеке.

Чуньцзин поджал губы, судорожно сглотнул. Неужели он узнал его? Если Хундоу почует след, то обязательно отыщет это место, к тому же по пути он оставлял метки... Сестра учила, что в чужих краях нельзя слепо доверять людям. Сейчас ему нужно притвориться напуганным, усыпить бдительность противника, а затем...

Порыв ветра заставил листья зашуметь. Сухая ветка сорвалась со ствола и с треском ударилась о землю, разломившись пополам.

Цзинь Мо внезапно обмяк и повалился на Чуньцзина, повесив руки ему на плечи и уткнувшись головой в ключицу.

Чуньцзин затаил дыхание, часто заморгал. Медленно опустил уже поднятую руку и осторожно ткнул Цзинь Мо в голову. Та безвольно качнулась. Только тогда он облегченно выдохнул, оттолкнул его, отряхнул свой халат и собрался уходить.

Оглядевшись, он понял, что находится во дворе того самого полуразрушенного домика. Повсюду рос сорняк, но среди него пробивались крошечные синие цветы, а нежные ростки, взошедшие после ночного весеннего дождя, пробивались сквозь заросли кустарника.

Чуньцзин постоял, покрутился на месте и вдруг осознал проблему: двор был невелик, стены — невысоки, но выхода не было. Это место напоминало железную бочку без дна, из которой невозможно выбраться, и он никак не мог сориентироваться.

Раздался грохот, земля содрогнулась.

Кустарник, скрытый сорняками, внезапно пришел в движение. Вокруг искусственной горки, словно по волшебству, сомкнулись ветви, сплетаясь друг с другом.

В воздухе распустились золотые цветы. Каждый лепесток, подобно зеркалу, отражал свет, направляя его в самый центр. С оглушительным гулом луч ударил в черную четырехлепестковую чашу на вершине горки. Свет стал жидким, словно расплавленное золото, и потек по лепесткам вниз.

Чуньцзин опешил, схватил Цзинь Мо за шиворот и отступил на пару шагов.

Золотой поток иссяк, едва коснувшись подножия горки. Та вдруг словно обрела ноги и сдвинулась вправо.

Чуньцзин скрестил руки на груди, склонил голову набок и уставился на открывшуюся каменную лестницу, уходящую вниз. Он невольно приподнял бровь, покосился на лежащего у его ног Цзинь Мо и пробормотал:

— Этот тайный ход открылся снаружи или же его открыл этот человек?

Он закусил губу, нахмурился, чувствуя нерешительность. Сестра всегда говорила, что он действует импульсивно, не задумываясь о последствиях, и что в пути нужно быть осторожным, не поддаваться гневу и не лезть на рожон.

— Но... — он еще раз окинул взглядом окрестности и вздохнул, — кажется, кроме этого прохода, другого пути нет.

Он наклонился, ухватил Цзинь Мо за воротник, посмотрел на его пухлое лицо и прищурился с лукавой усмешкой:

— В любом случае, ты пойдешь первым. Мало ли, какие там припасены клинки и ловушки.

Чуньцзин глубоко вздохнул, потянул Цзинь Мо за собой к темному зеву прохода и, собравшись

с духом, шагнул внутрь.

Снова тьма, хоть глаз выколи. Чуньцзин недовольно поморщился, вспомнив липкие руки из темноты, и вздрогнул. В воздухе вдруг разлился сладкий аромат — кто знает, что он сулил? Он прикрыл нос рукой, приподнял бесчувственного Цзинь Мо и выставил его перед собой, словно щит.

Из темноты донесся хриплый, уставший голос:

— Так не пойдет. Ты заблудишься в этой тьме.

<http://bllate.org/book/19782/1949321>